

АФИНЫ И ПЕРСИЯ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

Как известно, афиняне почти на протяжении всего VI в. до н.э. переживали период напряженной социально-политической борьбы, выразившейся в реформах Солона и тирании Писистратидов. Эта внутривосточная нестабильность в афинском обществе VI в. до н.э. способствовала снижению роли Афин на международной арене. Так, например, остается неизвестным, как афиняне отреагировали на политику Кира Великого в отношении ионийских греческих городов, которые считали Афины своей метрополией. В труде Геродота фиксируются несколько ключевых событий в истории отношений с Персией до начала Греко-персидских войн: бегство бывшего тирана Гиппия в Персию (V.65.3; 91; 94.1); переговоры афинян с сатрапом Артафреном в отношении союза с Персией (V.73); переговоры афинян с сатрапом Артафреном в отношении пребывания Гиппия в Персии (V.96); посещение Афин Аристагором Милетским и решение афинян поддержать Ионийское восстание (V.97); казнь персидских глашатаев Дария I (VII.133); призыв к спартанцам о помощи накануне сражения при Марафоне (VI.105–106). В данной работе рассматриваются сведения Геродота (V.73) первой официальной афинской дипломатической миссии в Азию.

Ἰσθαιῖοι δὲ μετὰ ταῦτα Κλεισθένεα καὶ τὰ ἐπτακόσια ἐπίστια τὰ διωχθέντα ὑπὸ Κλεομένεος μεταπεμψάμενοι πέμπουσι ἀγγέλους ἐς Σάρδις, συμμαχίην βουλόμενοι ποιήσασθαι πρὸς Πέρσας· ἠπιστέατο γὰρ σφίσι [πρὸς] Λακεδαιμονίους τε καὶ Κλεομένεα ἐκπεπολεμῶσθαι. Ἀπικομένων δὲ τῶν ἀγγέλων ἐς τὰς Σάρδις καὶ λεγόντων τὰ ἐντεταλμένα Ἀρταφρένης ὁ Ἰστάσπεος Σαρδίων ὑπαρχος ἐπειρώτα τίνες ἔοντες ἄνθρωποι καὶ κῆ γῆς οἰκημένοι δεοῖατο Περσέων σύμμαχοι γενέσθαι· πυθόμενος δὲ πρὸς τῶν ἀγγέλων ἀπεκρούφου σφι τάδε· εἰ μὲν διδοῦσι βασιλεῖ Δαρείῳ Ἀθηναῖοι γῆν τε καὶ ὕδωρ, ὁ δὲ συμμαχίην σφι συνείθετο, εἰ δὲ μὴ διδοῦσι, ἀπαλλάσσεσθαι αὐτοὺς ἐκέλευε. Οἱ δὲ ἄγγελοι ἐπὶ σφέων αὐτῶν βαλόμενοι διδόναι ἔφασαν, βουλόμενοι τὴν συμμαχίην ποιήσασθαι. Οὗτοι μὲν δὴ ἀπελθόντες ἐς τὴν ἑωυτῶν αἰτίας μεγάλας εἶχον.

«После этого афиняне, возвратив Клисфена и 700 семей, выселенных Клеоменом, отправили вестников в Сарды, желая заключить союз с персами: ведь они полагали, что им предстоит воевать и с лакедемонянами, и с Клеоменом. После того как послы прибыли в Сарды и сказали о своем поручении, Артафрен, сын Гистаспа, наместник Сард, спросил их, что это за люди такие и какую землю населяют и почему хотят стать союзниками персов. Когда же он узнал об этом от послов, то кратко им так ответил: если афиняне дают царю Дарию землю и воду, то он заключит с ними союз, если же не дают, то он просит их отправляться обратно. Послы же по своему собственному усмотрению сказали, что дают, желая заключить этот союз. После того как они возвратились к себе домой (т.е. в Афины – Э. Р.), они были сурово осуждены».

В историографии наблюдаются различные подходы к общей оценке этой афинской миссии в Сарды. По мнению У. Хау и Дж. Уэллса, поражает то, что главные защитники Греции против мидянина первыми

предложили союз с ним¹. Э. Уолкер замечал, что в результате предоставления афинянами «земли и воды» была написана первая глава в долгой истории мидизма². Дж. Холлэдэй предположил, что миссия афинских послов в 508/7 г. до н.э. – это первый признак мидизма при демократии³. И.Е. Суриков придерживается иного мнения. В частности, он пишет, что «еще до начала Греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного или “предательского”, во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору лидийских царей...»⁴. Наконец, недавно Р. Бертольд также подчеркивал, что обвинение афинян в мидизме в год первого посольства совершенно несправедливо, так как только после Ионийского восстания, битвы при Маратоне и особенно после вторжения Ксеркса в отношениях с Персией начинает витать облако измены, и предательство начинают ассоциировать с мидизмом⁵. Действительно, мидизм, и особенно его восприятие греками как государственной измены характерны в большей степени для эпохи Греко-персидских войн, и можно согласиться с тем, что первое афинское посольство в Сарды не было предательством. Однако афиняне не виновны в мидизме не по этой причине; дело в том, как увидим далее, что афино-персидский союз так и не был заключен.

Геродот отмечает, что решение о направлении послов в Сарды было принято ввиду угрозы нового спартанского вторжения в Аттику во главе с Клеоменом I, царем Спарты, направленного на поддержку сторонников Исагора, которые противостояли Клисфену и Алкмеонидам. Однако остается неясным, почему афинский демос искал помощи против Спарты в далекой Азии, а не попытался найти поддержку где-нибудь по соседству в самой Греции⁶. В историографии стало почти традиционным то предположение, что за афинской миссией в Персию стоял сам знаменитый реформатор Клисфен. Об этом непосредственно заявляли еще Дж. Манро и Эд. Мейер⁷. Однако аргументировал эту точку зрения Э. Уолкер, по мнению которого, семья Клисфена поддерживала разносторонние контакты с Востоком еще в период существования Лидийского царства Мермнадов. Как стремился доказать исследователь, Клисфен предвидел пелопоннесское вторжение в Аттику, и потому решил обратиться к Персии. Э. Уолкер утверждал, что Клисфен должен нести полную ответственность за посольство в Сарды и за инструкции, данные послам⁸. На наш взгляд, исследователь переоценивал роль Клисфена в событии. Так, например, он даже заявил, что Клисфен сознательно допускал подчинение Персии ради сохранения демократии в Афинах (Клисфен, по мнению исследователя, должен был знать о том, что союз с

¹ *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf., 1912. Vol. 1. P. 40.

² *Walker E.M.* Athens: The Reforms of Cleisthenes // *CAH*. 1930. Vol. 4. P. 158.

³ *Holladay A.J.* Medism in Athens 508–480 B.C. // *GR*. 1978. Vol. 25. № 2. P. 178.

⁴ *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 71; *он же.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 328–329.

⁵ *Berthold R.M.* The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // *Historia*. 2002. Bd. 51. Hft. 3. P. 266.

⁶ По мнению Дж. Холлэдэя, у афинян в то время просто не было союзников в Греции (*Holladay A.J.* Op. cit. P. 178–179).

⁷ *Munro J.A.R.* Some Observations on the Persian Wars // *JHS*. 1899. Vol. 19. P. 191; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Stuttgart, 1937. Bd. 3. S. 741.

⁸ *Walker E.M.* Athens: The Reforms of Cleisthenes. P. 157–158, 167.

Персией возможен только при условии предоставления «земли и воды» персидскому царю и дал соответствующие инструкции афинским послам в Сарды⁹. Мнение об участии Клисфена в организации посольства в Сарды встретило существенную поддержку в историографии¹⁰. Дж. Холлэдэй допускал возможность, что в отправке посольства могли принимать участие как сам Клисфен, так и афинский демос¹¹. И.Е. Суриков также утвердительно говорит о Клисфене как об организаторе посольства афинян¹². Но еще М. МакГрегор приводил аргументы против указанного мнения, доказывая, что афиняне направили послов в Сарды до возвращения Клисфена в Афины после его изгнания Писистратидами¹³. Действительно, если вчитываться в текст Геродота, то представленное исследователем развитие событий выглядит наиболее вероятным. Сообщение «отца истории» (V.73) ясно предполагает, что решения народа о возвращении Клисфена и афинских аристократических семейств из изгнания и об отправке миссии в Персию были взаимосвязанными (они, вероятно, были приняты, как замечает М. МакГрегор, «на одном народном собрании»), что должно исключать участие политика в организации посольства¹⁴. Тогда возникает закономерный вопрос: чем же могло быть вызвано обращение афинского демоса к Персии, если не восточными связями Алкмеонидов и лично Клисфена? Ответ, скорее всего, достаточно прост. Во-первых, афиняне наверняка слышали о могуществе восточного соседа греков – Персидской империи Ахеменидов, а, во-вторых, также могли быть осведомлены о достаточно напряженных персидско-спартанских взаимоотношениях, сложившихся еще со времени Кира Великого. Требование же «земли и воды», которое в Сардах предъявил

⁹ Ср.: *Holladay A.J.* Op. cit. P. 179.

¹⁰ См.: *Gomme A.W.* Athenian Politics, 510–483 B.C. // *AJPh.* 1944. Vol. 65. № 4. P. 321–322; *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia.* 1961. Vol. 30. № 4. P. 398; *Gillis D.* Marathon and Alcmaeonids // *GRBS.* 1969. Vol. 10. № 2. P. 136; *idem.* Collaboration with the Persians // *Historia. Einzelschriften*, 34. Wiesbaden, 1979. P. 48; *Schachermeyer F.* Athen als Stadt des Grosskönigs // *GB.* 1973. Bd. 1. S. 211–220; *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia.* 1974. Bd. 23. Hft. 2. S. 48; *Orlin L.L.* Athens and Persia ca. 507 B.C.: A Neglected Perspective // *Michigan Oriental Studies in honor of G.G. Cameron.* Ann Arbor, 1976. P. 264; *Horsley G.H.R.* Kleisthenes and the Abortive Athenian Embassy to Sardis // *Museum Philologum Londoniense.* 1986. Vol. 7. P. 99–105; *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // *САН*². 1988. Vol. 4. P. 308, 338; *Amush M.F.* The Career of Peisistratos Son of Hippias // *Hesperia.* 1995. Vol. 64. P. 141; *Berthold R.M.* Op. cit. P. 259 f.; *Cawkwell G.L.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxf., 2005. P. 53.

¹¹ *Holladay A.J.* Op. cit. P. 179.

¹² *Суриков И.Е.* Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // *МОДА.* 2000. Ч. 1. С. 103; *он же.* Из истории греческой аристократии... С. 71; *он же.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 256. Исследователь предполагает, что организация Клисфеном посольства в Сарды могла быть причиной его опалы в конце жизни или по крайней мере потери его политического влияния (Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи. Дисс. докт. ист. наук. ИВИ РАН. М., 2004. С. 127; *он же.* Остракизм в Афинах. С. 179).

¹³ *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // *Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson / HSCPh.* 1940. Suppl. 1. P. 78.

¹⁴ По крайней мере, именно так следует буквально понимать тот пассаж Геродота (V.73), в котором говорится об афинском посольстве в Персию. Вообще, мнение о причастности Клисфена к посольству – предположение, не следующее из текста «отца истории». Конечно, можно приводить общие соображения о политической ситуации в Афинах накануне вторжения Клеомена, о заинтересованности именно Клисфена в отношениях с Персией, однако исследователям следует прежде всего опровергать заявление Геродота, который приписывает организацию миссии именно «афинянам». Почему Геродот относит организацию посольства в Сарды в целом к афинскому демосу, а не лично Клисфену, Л. Орлин объясняет проалкмеонидовскими симпатиями «отца истории» (*Orlin L.L.* Op. cit. P. 256).

Артафрен афинским послам, очевидно, было для них полной неожиданностью и даже могло вызвать их опрометчивые действия.

П. Бикнелл предположил, что в состав афинского посольства в Сарды в 508/7 г. до н.э. входил некий Каллий, сын Кратия из Алопеки, связанный по происхождению как с родом Алкмеонидов, так и Кериков, который был изгнан остракизмом предположительно в 486/5 г. до н.э. Основанием для этой гипотезы исследователя было то, что на некоторых из поданных против него острака он был назван «мидянином»¹⁵, а на одном – имелась его карикатура в персидском одеянии в виде лучника¹⁶. И.Е. Суриков поддержал эту гипотезу П. Бикнелла, полагая, что Каллий, сын Кратия, возможно, даже возглавил афинское посольство к персам в Сарды¹⁷. Гипотеза вполне правдоподобная, хотя и не находит прямых подтверждений в источниках. С другой стороны, в ее пользу иногда принимается инвектива на остраконе, поданном против Каллия, что он «ходил к мидянам», т.е. в Персию – *ὡς ἐμ Μῆδον ἤκει*¹⁸. Но, кроме неудачного посольства, конечно, вполне могли быть другие случаи, по которым Каллий, сын Кратия, мог совершить поездки в Азию к Дарию и его сатрапам.

В работах большинства исследователей принимается точка зрения (на наш взгляд, ошибочная), что *договор Афин и Персии действительно был заключен* в 508/7 г. до н.э., причем чаще всего современные историки оценивают ситуацию с позиции афинян. Так, например, Дж. Холлэдэй полагает, что послы заранее имели полномочия предложить «землю и воду», если таково будет требование персов. Последующее же отклонение союза афинянами было вызвано тем, что отпала необходимость в нем ввиду неудачи экспедиции Клеомена против Афин¹⁹. М.А. Дандамаев также считает, что союз был заключен и этим объясняет, что прибытие Аристагора Милетского в Афины накануне ионийского восстания было враждебно встречено многими жителями города (sic!)²⁰. По мнению И.Е. Сурикова, договор был заключен, но не был ратифицирован эkkлeсией²¹. В недавних работах исследователь идет еще дальше, полагая, что афинские послы дали сатрапу Артафрену «землю и воду» и этот символический акт означал формальное признание своего подчинения, что оказало значительное влияние не только на дальнейшее развитие отношений между Афинами и Персией, но и на весь ход Греко-персидских войн²². Здесь И.Е. Суриков солидарен с мнением, которое высказал в свое время еще Ф. Шахермейер, назвавший Афины после 508/7 г. до н.э.

¹⁵ Инвективы на острака Каллия, сына Кратия, отличаются известным разнообразием. На одних он называется *Μῆδος / Μῆδον*, на других – *ἐ(μ) Μῆδον, ἐγ Μῆδον, ἐκ Μῆδον*, и на одном – *ὡς ἐμ Μῆδον ἤκει* (*Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testemonien (T. 1.) // Ostrakismos – Testemonien / Hrsg. von P. Siewert / Historia. Einzelschriften, 155. Stuttgart, 2002. S. 87–89*). О Каллии, сыне Кратия, см.: *Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. Vol. 51. № 1. P. 71.*

¹⁶ *Bicknell P.J. Op. cit. P. 48.* Существует мнение, что Каллий, сын Кратия, подвергся остракизму в 471 г. до н.э. (*Brenne S. Op. cit. S. 56*), которое, однако, приводится без аргументации.

¹⁷ *Суриков И.Е. Два очерка о внешней политике Афин... С. 103–104.*

¹⁸ *Он же. Остракизм в Афинах. С. 75.*

¹⁹ *Holladay A.J. Op. cit. P. 179.*

²⁰ *Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 117.*

²¹ *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 71.*

²² *Он же. Античная Греция. С. 256, 285–286; он же. Остракизм в Афинах. С. 329.*

«городом Великих царей»²³. Эту точку зрения развивают также Л. Орлин и Э. Курт, которые, однако, рассматривают события с позиции персов. В частности, Л. Орлин замечает: «Важнейшей причиной военных действий персов против Афин было нарушение последними своего статуса вассала по договору (*treaty-vassal*), как нарушителя соглашения (*contract-breaker*); помощь, которую Афины предоставили восставшим ионийским городам, являлась действием вышедшего из повиновения вассала (*a disobedient vassal*), решившего вступить в сговор с другими неповинующимися вассалами...»²⁴. Э. Курт полагает, что договор был заключен и был все еще в силе, когда афиняне побуждали персов не помогать Гиппию в его попытках вновь утвердиться в Афинах; и только персидское требование принять назад Гиппия побудило Афины нарушить договор и присоединиться к ионийскому восстанию. Далее, как считает Э. Курт, Дарий в 491 г. до н.э. направлением требования «земли и воды» дал Афинам шанс восстановить свои отношения с Персией, и когда это не удалось, он уже отправил экспедицию, целью которой было приведение к покорности Афин и признания ими персидского царя своим повелителем. Поражение же при Марафоне послужило одним из предлогов для кампании Ксеркса в 480–479 гг. до н.э.²⁵

Приведенную интерпретацию событий поддержал Дж. Балсер в своем труде, посвященном Греко-персидским войнам²⁶. Она особенно привлекает внимание исследователей тем, что предполагает существование *кратковременного периода зависимости Афин от Персии*, и если это соответствует действительности, то вносит свои коррективы в мотивацию персидских походов против Греции, которая представлена в античной исторической традиции. Однако исследователи далеко не единодушны в принятии мнения, что афиняне заключили договор с Персией и тем самым стали подданными Дария I. Основные аргументы против такой позиции в историографии сформулировал недавно Н. Крамер²⁷.

Со своей стороны отметим, что парадокс ситуации в отношении результатов афинского посольства в Сарды заключался в том, что действия афинских послов могли быть различно истолкованы в Персии и в Афинах. Для персов согласие на предоставление «земли и воды» без всяких дополнительных условий само по себе было согласием на подчинение. Но для афинян те же самые действия ничего подобного не означали. Во-первых, как это замечает ряд исследователей, афиняне могли и не знать точного значения обычая преподнесения «земли и воды»²⁸. Во-вторых, как правильно заметил И.Е. Суриков, заключение союзного договора не могло быть полностью в компетенции послов и требовало ратификации властных структур греческого полиса (в данном случае эkkлeсии, которая и направила посольство в Сарды). Однако Геродот говорит, что ратификации не последовало. Послы согласились на пер-

²³ Schachermeyer F. Op. cit. S. 211–220.

²⁴ Orlin L.L. Op. cit. P. 265.

²⁵ Kuhrt A. Op. cit. P. 91–92.

²⁶ Balcer J.M. The Persian Conquest of the Greeks. Konstanz, 1995. P. 159.

²⁷ Kramer N. Athen – keine Stadt des Grosskönigs! // Hermes. 2004. Bd. 32. S. 257–270.

²⁸ Kelly T. Persian Propaganda – A Neglected Factor in Xerxes' Invasion of Greece and Herodotus // IA. 2003. Vol. 38. P. 177; Wiesehöfer J. 'O Master, Remember the Athenians': Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorgis and I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 212.

сидские условия от своего имени (ἐπὶ σφέων αὐτῶν), а по возвращению на родину им были предъявлены суровые обвинения – αἰτίας μεγάλας εἶχον (V.73). В-третьих, насколько можно понять из текста «отца истории» (V.73), афинские послы в Сардах только выразили согласие предоставить «землю и воду» – οἱ δὲ ἄγγελοι... βαλόμενοι διδόναι ἔφασαν. Однако для реального подчинения одного согласия для Персии, очевидно, было недостаточно: требовалось символическое преподнесение «земли и воды», что, собственно, афиняне едва ли когда-нибудь исполнили²⁹. Таким образом, действия послов не означали подчинения афинян персидскому царю ни с юридической, ни с фактической стороны.

Первое афинское посольство в Персию в 508/7 г. до н.э. наверняка отразилось на состоянии афино-персидских взаимоотношениях. Поскольку договор так и не был заключен, то афиняне не имели какой-либо определенности в отношениях с Персией. Напротив, персидский царь и сатрапы могли уже видеть афинян в числе своих новых подданных со всеми вытекающими отсюда последствиями и ожидали только формального закрепления отношений подданства в результате преподнесения «земли и воды». Не получив таковых, Дарий I позднее, в 491 г. до н.э., направил других своих глашатаев в Афины, чтобы вновь потребовать «землю и воду» как знаки подданства.

Другие переговоры, которые состоялись в Сардах около 500 г. до н.э. (они проходили после 507 г. до н.э., но еще до 499 г. до н.э. – начала собственно ионийского восстания), впрочем, окончательно определили враждебное отношение афинского демоса к Персии. На этот раз афинские послы вели переговоры с Артафреном уже конкретно по поводу пребывания в стане персов Гиппия, сына Писистрата, который, по словам Геродота, предпринимал антиафинскую пропаганду и стремился подчинить город Афины себе и Дарию.

В отношении хода этих переговоров можно привести следующее замечание Геродота (V.96): «Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнанникам. Артафрен же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия»³⁰. Таким образом, «отец истории» дает понять, что сатрап занял довольно жесткую позицию на переговорах. Потребовав возвращения Гиппия в Афины, он тем самым способствовал возникновению антиперсидских настроений афинского демоса, который, разумеется, не желал «реставрации» тирании Писистратидов, тем более под персидским протекторатом.

²⁹ *Kramer N.* Op. cit. S. 260. О процедуре предоставления «земли и воды» свидетельствуют схолии к «Персам» Эсхила, по данным которых, Дарий I в 491 г. до н.э. «послал афинянам корзину, чтобы принять от них землю и воду, и быть повелителем земли и моря» (ἔπεμψεν Ἀθηναίοις σπιρίδα, γῆν καὶ ὕδωρ αὐτῶν ὡς δῆθεν ἐντεῦθεν δόξει γῆς καὶ θαλάττης εἶναι κύριος. – *Schol. in Aesch. Pers. hyp.*, 15–17).

³⁰ По мнению Б. Меритта, значение этого пассажа никогда не было полностью понято в историографии (к 1939 г.). Он подразумевает, что афиняне находились в хороших отношениях с Персией и что они были заинтересованы в поддержании дружественных отношений. Ответ же Артафрена, по мнению исследователя, был ответом не равному партнеру, но своему вассалу (*Merit B.D.* *Greek Inscriptions* (14–27) // *Hesperia*. 1939. Vol. 8. № 1. P. 63).

Несомненно, рассмотренные мною переговоры во многом предрешили дальнейшие действия афинян, направленные на вооруженную поддержку ионийского восстания, ибо, по сведениям Геродота (V.97), Аристагор Милетский прибыл в Афины как раз в тот момент, когда афинский демос был враждебно настроен по отношению к Персии. В итоге милетскому тирану очевидно не стоило больших трудов убедить большинство афинян оказать военную помощь восставшим³¹. Результат дипломатической миссии Аристагора хорошо известен: афинское народное собрание проголосовало отправить на помощь восставшим 20 кораблей во главе со стратегом Меланфием (Hdt. V.97; Charon. FGrH. 262 F. 10 = Plut. *De Her. malign.* 861c). Тем самым было положено начало первому кризису в афино-персидских отношениях.

EDUARD V. RUNG (KAZAN)

ATHENS AND PERSIA: THE FIRST CONTACTS

The article is devoted to the consideration of Herodotus V.73 about first Athenian Embassy to the Persians on the eve of the democratic reforms of Cleisthenes in Athens of 508/7 B.C. Some popular historiography's "mythes" relating to this event are dismissed in this article. The first "myth" concerns the decisive role of Cleisthenes in the organizing this Embassy. The second "myth" is that the Athenian-Persian treaty actually has been concluded on the condition of giving "the earth and the water" as the signs of subjugation to Darius I. It may be concluded that the Athenian diplomatic mission to Asia of 508/7 B.C. had not resulted nor in the subjugation of Athenians to the Persians nor the establishment of alliance with them, but led to the state of uncertainty which was finished only with the next Athenian mission to Asia of ca. 500 B.C. The Artaphernes' demand to restore Hippius son of Peisistratus as the Persian vassal-tyrant in Athens prompted the Athenians' decision to give the military support to the Ionian Revolt of 500–494 B.C. and resulted in the first crisis in the Athenian-Persian foreign relations.

³¹ Если верить Геродоту, милетский тиран говорил также о богатствах Азии, о персидской военной тактике, подчеркивая военное превосходство греков над персами, и, наконец, указал на родство афинян и ионийцев. Об идее родства между афинянами и ионийцами как факторе, предопределившим решение афинян направить помощь восставшим, см.: Quinn T.J. *Athens and Samos, Lesbos and Chios, 478–404 B.C.* Manchester, 1981. P. 1–2.